

*Елена
Арсеньева*

ЛЮБОВЬ ВЕЛИКИХ ЖЕНЩИН

*Браки совершаются
на небесах*

Браки совершаются на небесах

Елена Арсеньева

**Ожерелье раздора
(Софья Палеолог и
великий князь Иван III)**

«Автор»

Арсеньева Е. А.

Ожерелье раздора (Софья Палеолог и великий князь Иван III) /
Е. А. Арсеньева — «Автор», — (Браки совершаются на небесах)

Во многих сказках царский сын непременно едет добывать невесту в тридевятое царство, в некоторое государство. Сказка, как известно, ложь, да в ней намек... Издавна цари и царевичи, короли и королевичи, а также герцоги, князья и прочие правители искали невест вдали от родных пределов. Почему? Да потому, что не хотели, чтоб измельчала порода. А еще хотели расширить связи своих государств с тридевятыми царствами.

© Арсеньева Е. А.

© Автор

Содержание

***	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Елена Арсеньева

Ожерелье раздора

Софья Палеолог и великий князь Иван III

Тебе, Елена Стефановна, сноха любимая, богоданная, желаю даровать в знак милости и любви драгоценную золотую сажень ¹. Чтоб красота твоя дивная и чудная в той сажени еще пуще заблестала ради услады очей наших...

Софье почудилось, что притворная улыбка прилипла к ее губам, как в бане липнет к распаренному телу мокрый березовый лист. Ее и впрямь в жар бросило от слов мужа. В жар – и в холод.

Да он что, с ума на старости лет сошел?! Забыл лета свои, забыл чин свой? Забыл, сколько чужих глаз на него глядит, забыл, сколько ушей слышит эти совсем не родственные, ох, совсем не отеческие льстивые словеса, которые он щедро расточает жене сына?

В знак милости и любви... любимая сноха... услада очей наших... Ой, сладко, ой, приторно – челюсти так и сводит! А она... она играет своими тусклыми карими глазками, которые всегда напоминали Софье изюминки, торчащие из пасхального кулича. Личико у невестки – ну точно как тесто перепеченное. А из него изюминки торчат. И где сыскал великий князь эту самую красоту, дивную и чудную?! Ошалел старый дурень! Ошалел при виде тугих щек и смуглой шеи этой волошанки ²!

А она, эта молоденькая дурочка! Она ведь тоже ошалела от такого внимания свекра. От щедро изливаемой на нее благосклонности. Забыла о скромности, забыла, что глаза потупить надобно, румянцем залиться стыдливым, рукавом завеситься либо краешком фаты... Глазки-изюминки сейчас напоминают двух юрких зверьков: так и скачут, так и мечутся из стороны в сторону. То на мужа глянет, Ивана Молодого – с пугливым торжеством: видишь ли, как меня твой батюшка чествует? Ценишь ли?.. На свекра смотрит с рабским почтением, так и ест глазами. Но на самом доньшке, если приглядишься, увидишь и потаенно женское... А третья сторона, куда нет-нет да и метнутся глазки-зверушки, это великая княгиня Софья Фоминишна. Вроде бы свекровь, да не совсем, потому что не родная мать князю Ивану Молодому, а лишь мачеха. Ну а коли так, небось смекает Елена Волошанка, значит, с ней можно не больно-то считаться. Ее можно и обойти почтением. И метнуть на нее откровенно торжествующий взор: видишь, куда ветер дует, ты, *старуха* ?..

Старуха, конечно, старуха... Никуда не денешься – недавно сравнялось тридцать пять лет. А этой молоденькой сучке едва восемнадцать. И она уже успела родить Ивану Молодому сына. Сделать великого князя московского Ивана Васильевича ³ дедом. А великую княгиню Софью Фоминишну, значит, бабушкой.

Бабкой!

Тьфу!

Хотелось прикрикнуть на мужа, который токует на троне, словно старый тетерев перед молодой тетеркой. Хотелось окрыситься на ненавистного и ненавидящего пасынка, прогнать с

¹ Древнерусское название наплечного широкого ожерелья.

² Так в старину называли молдаванок.

³ Иван III Васильевич (1440—1505), великий князь московский и царь всея Руси, проводил политику объединения русских княжеств в единое государство.

его лица злорадное выражение. А больше всего хотелось провести ногтями по румяным щекам Елены Волошанки.

Однако ни одно из этих чувств не отразилось на лице великой княгини. Знатные византийцы детей своих учили скрывать свои чувства и самого лютого врага встречать радушной улыбкой. Софья была так поглощена обидой, так старалась не забыть уроки своих воспитателей и не ударить лицом в грязь перед противной Волошанкой, что в первую минуту начисто упустила главное: ожерелья, которое князь Иван Васильевич собрался подарить снохе, в казне больше не было.

Знала об этом лишь она, великая княгиня Софья! И лишь она была в этом виновата...

Но стоило только вспомнить, как все остальные чувства, только что снедавшие ее, отлетели, как сухие осенние листья. Остался лишь страх.

Тот самый страх, под гнетом которого она жила с того самого дня, как стала женой великого князя московского.

* * *

Удивительно – так сильно она не боялась даже в детстве, а уж детство ее никак нельзя было назвать безоблачным! Разве что до пяти лет, пока она жила с отцом – морейским деспотом⁴ Фомою Палеологом и матерью. Родной брат византийского императора Константина XII, Фома тайно мечтал, что когда-нибудь один из его сыновей унаследует трон, а дочери будут выданы за самых знатных иноземных принцев. Особенно завидную участь он пророчил Зое – она была любимицей отца.

Увы, Фома Палеолог смотрел на жизнь не вполне трезво. Византия в это время была уже не та, что в старину. По сути дела, от нее остался лишь Константинополь – все остальное было захвачено Османской империей. И все честолюбивые планы деспота морейского и прочих византийцев рухнули, когда турецкий султан Магомет II взял Константинополь. Увы, изнеженные, трусоватые жители столицы не пожелали взяться за оружие и защищать свой город. Пять тысяч из ста – вот и все войско, которое удалось собрать императору Константину. Он и сам был убит на улицах своего города.

Вскоре пришел черед пасть и Морее, и ее главному городу – Мистре. Палеолог увез семью на остров Корфу, а сам отправился в Рим – просить помощи у католиков. Его приняли с распростертыми объятиями – ведь Фома привез папе драгоценную, священную реликвию: голову апостола Андрея, которая прежде хранилась в Константинополе. Фактически в лице Фомы рухнула на колени перед католиками православная церковь... Папа пришел в такой восторг, что предоставил семье Палеолога ежемесячное содержание в триста золотых монет...

Зое было пятнадцать лет, когда умерли ее родители. Отныне за детьми Палеолога начал приглядывать кардинал Виссарион, принявший сан константинопольского патриарха. Это ничего, что сам Константинополь теперь во власти магометан! Виссарион тешился своим новым званием и был весьма доволен тем, что ему предстоит обратить в истинную веру не одну заблудшую в православии душу. Но при всем своем фанатизме это был незлой человек. И он искренне советовал Зое, в черных глазах которой видел неженский ум:

– Если будешь следовать заблуждениям своих предков, тебе только и останется, что перебиваться с хлеба на воду в каком-нибудь захудалом монастыре. Так и проведешь жизнь в нищете и забвении. Но если ты преклонишь колени перед престолом святого Петра, тебя ждет иная участь! Ты приходишь из старинного царского рода, – тебе найдут мужа – герцога или принца, ты возвысишься до прежнего положения своих родителей, а может быть, и превзойдешь его!

⁴ Здесь это слово употреблено в его первоначальном значении – правитель.

Зоя внимательно смотрела на него своими огромными черными глазами. У нее были удивительные глаза – не блестящие, а матовые, словно дымкой подернутые. И эта дымка надежно скрывала все те мысли, которые роились в ее гладко причесанной смоляной головке. Но Виссарион отлично понимал, что девочка сейчас торопливо просчитывает свои выгоды. Эти греки – прирожденные торговцы. Все они одинаковы – что знать, что простолюдины. Он не сомневался, что эта умница сделает правильный выбор. И когда на ярких губах Зои мелькнула легкая улыбка, Виссарион понял: выбор сделан! И радостно улыбнулся в ответ.

Но кардинал слишком давно служил святой церкви и, по сути дела, стал бесполом существом. Он совершенно не знал женщин. Он не разглядел потаенного лукавства Зоинной улыбки...

Надо отдать должное кардиналу Виссариону – он искренне искал для Зои хорошего мужа. И начинал высоко, очень высоко – с короля французского и герцога миланского. Однако обоим совершенно не заинтересовала какая-то принцесса-бесприданница. Тем паче оба оказались поклонниками женщин изящных, нежных, легких, воздушных, словно сильфиды.

Зоя Палеолог на сильфиду никак не походила. Она была невысока ростом и при этом полненькая, кругленькая. Утонченными были только черты ее лица, но отнюдь не формы тела. Ей нечем было прельстить ни этих женихов, ни каких-то других, даже совсем уж захудалых правителей вроде кипрского короля Якова II или итальянского князя Карраччиоло – да, Виссарион дошел до того, что засылал сватов и к ним! Зоя угрюмо вспоминала свои честолюбивые мечты: а она-то надеялась превзойти пышностью брака сестру свою Елену, королеву Венгерскую! Неужели придется идти в монастырь?

Да, похоже, ее католические молитвы не доходили до бога. И Зоя, поняв это, взмолилась словами тех молитв, которые помнила с детства! Она просила Господа позаботиться о бедной сироте, всеми заброшенной и забытой, обреченной на бесцветное увядание. Она просила дать ей мужа, для которого неважным будет ни отсутствие приданого, ни изобилие ее девических телес. Пусть для него имеет значение только древность ее славного рода, безупречность ее происхождения, только вера ее отцов!

Похоже, она обратилась к небесам именно в то мгновение, когда Всевышний отверз свой слух к мольбам малых сих.

* * *

Марья не дождалась мужа. Умерла – внезапно, мучительно...

Иван взглянул на труп – и не поверил глазам. Это не могла быть его жена, нежная, хрупкая, словно весенний цветок. Смерть чудовищно изуродовала ее! Великий князь только раз приподнял край пелены, покрывавшей мертвое тело, – и поспешил вновь опустить драгоценную ткань.

Отошел от гроба, с трудом подавляя страх, горе, желание проклясть небеса – всё вместе.

Как она могла покинуть его? Почему? Ей было лишь двадцать пять, и пятнадцать лет из этих двадцати пяти она принадлежала Ивану! Князь московский и княжна тверская были помолвлены еще в детстве, потом стали супругами. Они были вполне счастливы, не ссорились, у них подрастал сын Иван... ему сейчас девять. Сын был единственный – это томило Марию, она чувствовала себя виноватой, что не может затяжелеть вновь. Боялась, муж прогневадается за то, что неплодна отныне...

Это и стало причиной ее гибели.

Долго допрашивать да расспрашивать не пришлось: великий князь очень быстро узнал все, что хотел. Воспользовавшись отлучкой мужа в Коломну, Мария Борисовна попросила свою прислужницу Наталью Полуехтову сыскать ей какую-нибудь знатную ворожею, чтобы та дала чадородное средство. Ворожея сообщила, что средство у нее такое есть, и потребовала

принести ей пояс великой княгини. Якобы надо пропитать его чародейным зельем, а потом навязать на платье и носить не снимая сколько-то дней.

Ох, даже нескольких часов не проносила заколдованный пояс Мария Борисовна: вдруг лишилась чувств и вскоре умерла.

Взбешенный Иван Васильевич велел прогнать Полуехтову Наташку и мужа ее Андрюшку вон со двора, потребовал на расправу злокозненную ворожейку, да ее и след простыл: сбежала из Москвы, лишь только пронесся слух о смерти великой княгини.

– Ты не только меня бросила! – с тоской шептал Иван, закрыв глаза и видя перед собой милое, покорное лицо Марьи. – Ты сына бросила! И как теперь жить? Сызнова жену искать, а Ванюшке – мать? Да где ж я ее сыщу, чтоб была такая, как ты?!

Спустя год, когда минул положенный срок траура, он начал поиски новой невесты, однако вскоре убедился, что такой, как Марья, больше не отыщет. Да и зачем терзаться, живя с подобием, коли не можешь добыть подлинника? Лучше бы найти совсем другую женщину!

Он как раз утвердился в этой мысли, когда в Москву прибыло посольство из Рима.

В великокняжеском дворце насторожились. Католики прибыли к православным не с торговым делом? Удивительно сие. Может, не встречаться с ними? Пускай уезжают восвояси, несолоно хлебавши! Пусть знают гордость москвитов! Ишь, разогнались – со свиным-то римским рылом в русский калашный ряд!

Потом стало известно, что посольство состоит из православных греков – бывших подданных Византии, ныне раздавленной турецкою пятою. Прослышав, что пред ним предстанут собратья по вере, Иван Васильевич согласился принять их. Ему сразу понравился Юрий Траханиот, глава приезжих. Говорил он так красиво да складно, как умели это делать только византийцы, великие мастера морочить головы. Но стоило Ивану Васильевичу вникнуть в смысл этого нагромождения словес, как он только усилием воли удержал изумленный возглас. Оказывается, греки приехали, чтобы предложить ему жену! И даже лик ее, запечатленный на деревянной доске, привезли!

Иван посмотрел на изображение – и не смог сдержать восхищенной улыбки. Ох, каковы очи у девицы Зои! Огонь! А румяные щеки и полные вишневые губы? А косы черные, которые змеями сползают на плечи и струятся ниже подколенок? А изобильные стати?

Не преувеличил ли малевальщик? Неужто у нее и в самом деле так сверкают глаза? Неужто она и в самом деле столь роскошна грудями и бедрами?

Нежная, болезненная худышка Марья Борисовна мигом померкла перед этим буйством плоти. Имя «Зоя», знал Иван Васильевич, по-гречески значит – жизнь. Да, сама жизнь – новая, счастливая жизнь! – смотрела на него...

Опытный царедворец Траханиот не сдержал облегченного вздоха, увидав, что взор молодого князя (Ивану Васильевичу было в это время двадцать восемь лет) вспыхнул откровенным вождением.

Чудеса, да и только. Именно то, что отталкивало европейцев, одним ударом сразило этого полудикого русского царя. Казалось, для него даже не важно, что в жены ему предлагают не просто черноокою толстуху, а последнюю византийскую царевну!

Но в это мгновение великий князь Московии поднял на лукавого грека свои светлые, голубые глаза – и Траханиот сразу понял: этот человек все видит, все слышит и все отлично понимает. Великий князь уже просчитал про себя несомненные политические выгоды брака с греческой принцессой, отпрыском византийских императоров, благосклонность Рима... У него стремительный, острый, истинно государственный ум, у этого москвиты. Наверное, они станут с Зоей хорошей парой, ведь девчонка очень умна. То есть найти общий язык они непременно найдут. Ну а если им при этом будет сладко почивать вместе – так это и вовсе превосходно!

* * *

Сначала сватовство шло как по маслу. Итальянец Джанбатиста Делла Вольпе, прижившийся в Московии под именем Ивана Фрязина, отправился в Рим и сообщил о согласии великого князя московского жениться. Он встретился с Зоей и описал ей будущего супруга.

Девушка пришла в восторг. Она почти не видела в Риме высоких светловолосых и светлоглазых мужчин, но питала к ним тайную слабость. Она была уверена, что сможет быть счастлива с этим человеком!

Однако на пути ее счастья возникли неожиданные препоны, и виновно было в этом католическое духовенство. Папа римский потребовал от Московии присоединения к Уставу Флорентийскому. Согласно его установлениям, все православные державы попадали в зависимость от католического Рима, который осуществлял верховную власть над местными патриархами. Диктовалось это высшими соображениями: необходимостью борьбы с исламом, который набирал силу и завоевывал мир.

Однако великий князь московский вовсе не собирался в угоду Риму унижать православных священников, а тем более не намеревался портить отношения со своими союзниками-мусульманами: османами. Они еще понадобятся Московии для борьбы с Ордой и заносчивыми ливонцами. А невеста... что ж, она хороша, но, быть может, сыщется на свете и другая толстушка с огненными очами и пухлыми губками, которая пожелает стать его женой?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.